

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 25**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 25 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 304 с.

ISBN 978-5-458-04675-6

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04675-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

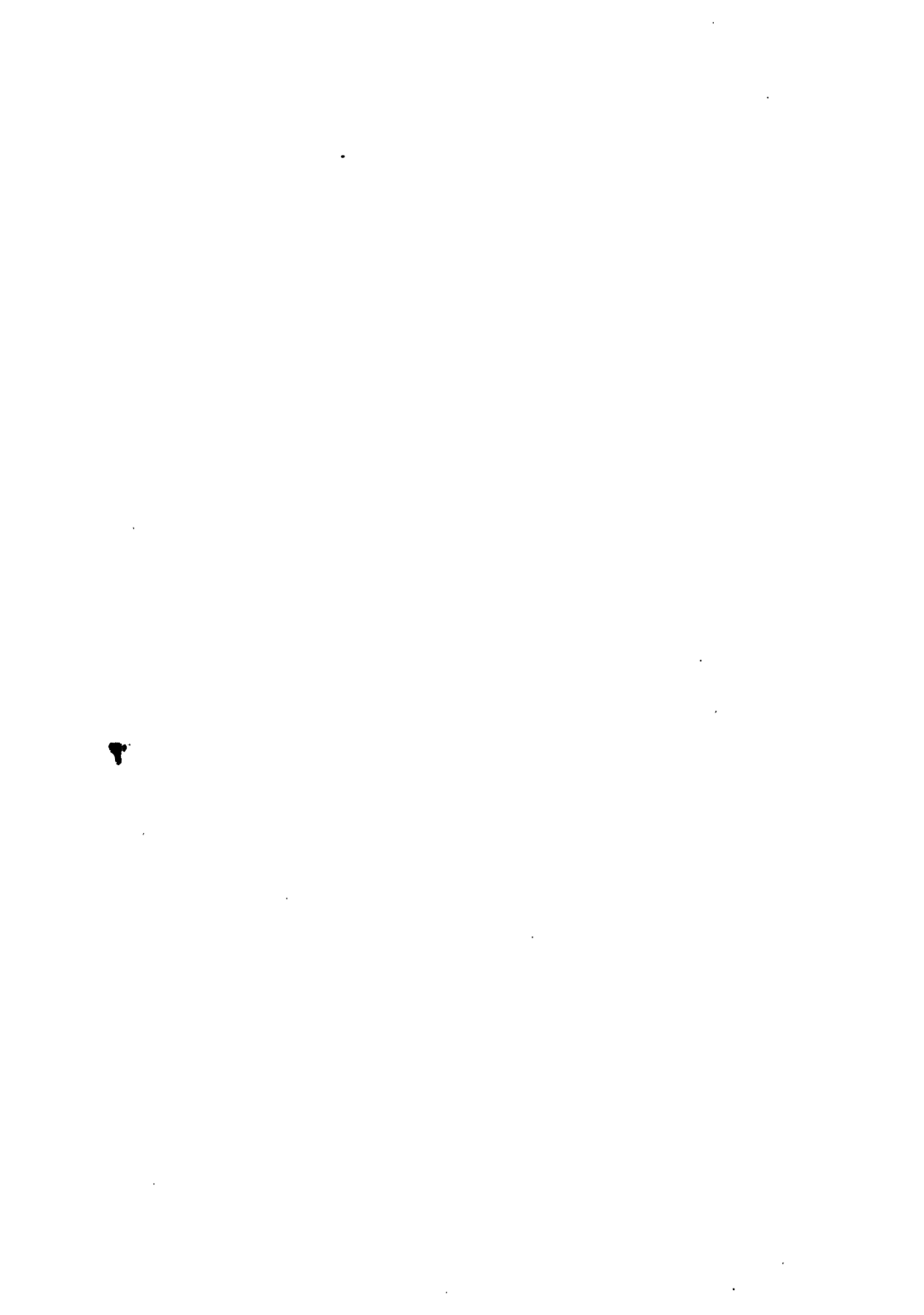
Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

5-го сего ноября, въ 8 час. вечера, передъ засѣданіемъ своимъ, Московское Психологическое Общество, въ присутствіи своихъ членовъ и сторонней публики, отслужило въ помѣщеніи засѣданій Общества панихиду по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III, въ царствованіе котораго были основаны какъ первое въ Россіи философское Общество, такъ и журналъ его «Вопросы философіи и психологіи». Панихиду совершалъ д. чл. Общества, проф. богословія Императорскаго Московскаго Университета, протоіерей Н. А. Елеонскій.

8-го ноября предсѣдатель Общества, проф. Н. Я. Гротъ, избранный однимъ изъ депутатовъ отъ двадцати ученыхъ и художественныхъ учрежденій и обществъ Москвы, — участвовалъ вмѣстѣ съ графинею П. С. Уваровою, предсѣдательницею Московскаго Археологическаго общества, и академикомъ архитектуры К. М. Быковскимъ, предсѣдателемъ обществъ — архитектурнаго и любителей художествъ, въ возложеніи вѣнка на могилу Императора Александра III въ С.-Петербургѣ.

Личность Г. С. Сковороды какъ мыслителя *).

29-го октября окончилось сто лѣтъ со дня смерти Г. С. Сковороды. Харьковъ готовится въ стѣнахъ своего университета почтить память не только мѣстнаго дѣятеля, но и перваго по времени русскаго философа.

Съ естественной робостью выступаю я передъ Обществомъ, какъ человѣкъ, умственные интересы котораго вращались всегда въ сферахъ, далекихъ отъ чистой философи. Но внимательно изучая сочиненія Сковороды, какъ только что изданныя Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ, такъ и рукописныя, я такъ сжилась съ этой необыкновенно сильной и цѣльной духовной личностью, такъ успѣла оцѣнить и полюбить ее, что настоящее выступленіе является для меня результатомъ настойчиваго нравственнаго побужденія. Сковорода, какъ мыслитель, слишкомъ долго и слишкомъ несправедливо былъ въ полномъ забвеніи, чтобы не явилось опасенія, какъ бы волны житейскаго моря съ ихъ непрерывнымъ миражемъ все новыхъ, пестрыхъ и захватывающихъ интересовъ, снова не захлеснули этой фигуры, которой не посчастливилось въ свое время высоко и ярко выкинуть свое знамя.

Такова была печальная судьба Сковороды какъ философа. Но какъ нравственная и психическая личность, какъ об-

---

*) Рефератъ, прочитанный въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ 5 ноября 1894 г., въ память столѣтней годовщины смерти Сковороды.

щественный дѣятель, Сковорода не умиралъ во всё эти столѣтїя, которые прошли со дня его смерти. Традиція— правда, все блѣднѣющая, такъ какъ печать почти не поддерживала ея, — какъ-никакъ, а все-таки жила и несла смѣняющимся поколѣніямъ смутный обликъ чудака-философа, „старца“ (по мѣстному выраженію), который взялъ на свои плечи и несъ всю долгую жизнь иго добровольнаго нищенства, полнаго отреченія отъ всего, что зовется и звалось житейскими благами, и подвига непрерывной и неустанной проповѣди. Для высшихъ классовъ, для „панской“ Украины онъ былъ „бродячей академіей“ и для этого онъ обладалъ всѣми необходимыми атрибутами тогдашней учености: прекраснымъ латинскимъ языкомъ, о которомъ свидѣлствуютъ изданныя теперь его письма, а также знаніемъ языковъ греческаго, древне-еврейскаго и нѣмецкаго, которому онъ хорошо выучился въ то время, какъ обошелъ, еще въ молодости, пѣшкомъ полъ-Европы. Для простого народа, который Сковорода также обучалъ всю жизнь во время своихъ непрерывныхъ странствованій—обучалъ по дорогамъ, деревенскимъ улицамъ, на сельскихъ ярмаркахъ, на церковныхъ погостахъ, или просто заходя въ хаты — для простого народа у Сковороды были свои особые, простыя и понятныя рѣчи. И если панскіе дворы наперерывъ старались залучить къ себѣ философа и готовы были щедро одѣлять его отъ своихъ избытковъ—отъ чего онъ, впрочемъ, всегда и совершенно уклонялся — то и простыя хаты не только кормили его, чѣмъ Богъ послалъ, но и осыпали его всѣми услугами, въ какихъ нуждался одинокій вѣчный странникъ: чинили его свитку и чоботы, обшивали и обмывали его. Память народа о немъ оказалась прочнѣе и благодарнѣе, чѣмъ память культурнаго класса. Въ то время какъ потомки дворянскихъ родовъ Слободской Украины, тѣхъ, которые гордились когда-то дружбой Сковороды, едва-едва помнятъ его имя и, можетъ-быть, нѣсколько анекдотовъ, народъ до сихъ поръ живетъ Сковородинскимъ духовнымъ наслѣдствомъ. Каждый украинскій кобзарь и лирникъ поетъ

сквородинскіе псалмы, духовные стихи, и очевидно, ихъ суровая мораль, полная презрѣнія къ жалкой мірской суетѣ, находятъ глубокой откликъ въ народной душѣ.

Нельзя сказать, чтобы мы знали вполне біографію Сквороды; но во всякомъ случаѣ обстоятельства его жизни до сихъ поръ были извѣстны гораздо больше, чѣмъ его философскія воззрѣнія. И о немъ можно сказать то, что можно сказать лишь объ очень немногихъ, совсѣмъ особенныхъ, исключительныхъ людяхъ: онъ жилъ такъ, какъ училъ. Онъ не зналъ, что такое компромиссъ, сдѣлка. Ни одного, ни малѣйшаго факта въ его біографіи нельзя найти такого, въ которомъ бы можно было усмотрѣть намѣренное или бессознательное уклоненіе отъ выработанныхъ идеаловъ, намѣченныхъ цѣлей жизни. Такъ могутъ жить только глубоко и цѣльно вѣрующіе люди, какимъ бы именемъ ни называлась ихъ религія.

Философіи Сквороды не поняли его современники, совсѣмъ не поняло ея и ближайшее потомство: до насъ дошелъ онъ съ эпитетомъ мистика, сочиненія котораго яко бы написаны темнымъ, невразумительнымъ языкомъ, почти недоступнымъ для пониманія. И все это, какъ мы увидимъ, мифъ: Сквороду никакъ невозможно назвать мистикомъ, а сочиненія его написаны, хотя своеобразнымъ, но по-своему прекраснымъ, сильнымъ и сжатымъ языкомъ, съ которымъ надо лишь нѣсколько освоиться предварительно: не слѣдуетъ забывать, что, по обстоятельствамъ мѣста и времени, Скворода былъ самъ творцомъ своего языка. Всякія же недоразумѣнія насчетъ Сквороды объясняются тѣмъ, что лица, писавшія о Сквородѣ, по большей части, даже и не видали его сочиненій, пользуясь лишь цитатами изъ вторыхъ и третьихъ рукъ и чужими мнѣніями. Когда, годъ тому назадъ, мнѣ пришлось разыскивать сочиненія Сквороды, то въ Харьковѣ, университетскомъ городѣ, который былъ когда-то центромъ района дѣятельности Сквороды, при помощи профессоровъ университета, мнѣ удалось достать лишь жалкое изданіице нѣкоторыхъ

сочинений Сквороды 60 года и одну единственную рукопись, которыми я только и пользовалась, когда дѣлала характеристику Сквороды въ читанной мною тогда публичной лекціи. Послѣ того уже въ Харьковѣ были собраны изъ разныхъ книгохранилищъ: Императорской Публичной бібліотеки, Румянцевскаго музея, Кіевскаго музея при Духовной академіи—рукописи Сквороды, и явилась возможность освѣтить философскую его личность. Этою возможностью воспользовался проф. Зеленогорскій въ работѣ, напечатанной въ недавнихъ книжкахъ „Вопр. Филос. и Псих.“ Воспользовался, къ сожалѣнію, не въ полной мѣрѣ. Онъ уклонился отъ задачи представить цѣльную философскую личность Сквороды, а предпочелъ разбить его философію на отдѣльные взгляды, мнѣнія и утвержденія, чтобы свести ихъ по одиночкѣ къ предполагаемымъ источникамъ, откуда Скворода ихъ яко-бы заимствовалъ. Этими источниками оказались Платонъ и Аристотель, стоики, Филонъ Іудейскій, Лейбницъ. Конечно, такая постановка дѣлаетъ честь трудолюбію и учености автора. Но она неблагодарна какъ въ практическомъ отношеніи, не удовлетворяя нашей законной потребности имѣть передъ собою цѣльный философскій обликъ, —такъ и въ методологическомъ, ибо едва-ли возможно правильно поставить вопросъ объ источникахъ міровоззрѣнія того или другого мыслителя, пока мы не будемъ имѣть яснаго и отчетливаго понятія о самомъ этомъ міровоззрѣніи. Такимъ образомъ, работа г. Зеленогорскаго представляетъ намъ философію Сквороды въ видѣ пестраго агрегата пестрыхъ мнѣній, надерганныхъ изъ философскихъ системъ разныхъ эпохъ и разныхъ качествъ. А между тѣмъ трудно дальше уйти отъ истины, чѣмъ при такой постановкѣ вопроса. Какъ бы мы ни относились къ воззрѣніямъ Сквороды, во что бы мы ни цѣнили его философію, одного-то ужъ, конечно, у него нельзя отнять никогда: чрезвычайной цѣльности и законченности его философскаго міровоззрѣнія, которая дѣлаетъ изъ его построенія монолитъ безъ примѣсей и трещинъ.

Никогда вы не встрѣтите у него уклоненій въ сторону какихъ-нибудь побочных теченій мысли, перерѣзающихъ главный, центральный потокъ. Философія Сквороды такъ же глубоко и сильно индивидуальна, какъ и вся его рѣзко и сурово очерченная психическая личность.

Когда я впервые приступила къ знакомству со Сквородой, какъ мыслителемъ, меня поразило его духовное родство съ Спинозой, на которое я тогда же и указала*). По мѣрѣ того, какъ мое знакомство съ Сквородой расширялось при посредствѣ вновь собраннаго матеріала, мнѣ становилось все яснѣе, что Скворода не имѣлъ никакого непосредственнаго отношенія къ Спинозѣ, не читалъ его сочиненій, не зналъ его ученія и какимъ-нибудь инымъ путемъ. И въ то же время все яснѣе дѣлалось его совпаденіе съ ученіемъ Спинозы въ двухъ существеннѣйшихъ пунктахъ: во-первыхъ, въ томъ, что значеніе настоящей дѣйствительности приписывается лишь единой міровой субстанции, по отношенію къ которой вся множественность единичныхъ явленій есть лишь видимость; во-вторыхъ, въ томъ безграничномъ довѣрїи къ компетентности человѣческаго разума, которое такъ характерно для умонастроенія Сквороды**). Но несомнѣнно, что Скворода шель своимъ особымъ путемъ, и эти положенія, какъ и всѣ другія, имѣютъ у него свою особую окраску.

„Невидимость, по выраженію Сквороды, первенствуетъ не только въ челоуѣкѣ, но и во всемъ остальномъ мірѣ“; она есть „иста“, т.-е. истинная дѣйствительность всего сущаго, также вѣчность, Богъ, который все въ себѣ содержитъ, самъ есть всему бытіемъ, который есть единство, простирающееся по всѣмъ вѣкамъ, мѣстамъ и тварямъ, единство, „которое частей чуждое есть и потому разрушится ему есть дѣло лишнее, а погибнути совсѣмъ постороннее“. Въ

*) «Книжки Недѣли». Январь 94 г. „Философъ изъ народа“.

***) Въ первой сторонѣ ученія Сквороды можно, по нашему мнѣнію, скорѣе прослѣдить вліяніе ученій Платона и новоплатониковъ, чѣмъ Спинозы, въ чемъ можно убѣдиться изъ послѣдующаго изложенія.

то же время Богу нельзя, по словам Сковороды, „искать важнѣе и приличнѣе имени, какъ натура, т.-е. природа или естество, такъ какъ этимъ словомъ обозначается не только рождаемое и премѣняемое вещество, но и тайная экономія той присносущной силы, которая вездѣ имѣетъ свой центръ или среднюю главнѣйшую точку, а околичности своей не имѣетъ нигдѣ... Сея повсемѣстная и премудрая сила дѣйствіе называется тайнымъ закономъ, по всему матеріалу разлитымъ безконечно и безвременно—сирѣчь, нельзя о ней спросить: когда она началась?—она всегда была; или поколь она будетъ? — она всегда будетъ; или до коего мѣста она простирается? — она всегда вездѣ есть. Сія-то блаженнѣйшая натура весь міръ, будто машинистова хитрость часовую на башнѣ машину, въ движеніи содержитъ и сама бытіемъ есть всякому сознанию: сама одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починаетъ, защищаетъ и по своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ зовется, опять въ грубую матерію обращаетъ»...

Невидимость или Богъ есть, по отношенію къ безчисленному міру вещей или явленій, „господственная натура“. Такимъ образомъ, Сковорода допускаетъ двѣ природы, невидимую и видимую, господственную и подлую, рабскую. Двойственность эту Сковорода утверждаетъ и усиленно подчеркиваетъ во множествѣ мѣстъ; ей посвященъ спеціальнѣйшій діалогъ, который такъ и называется „Бесѣда: Двое“. Но это усиленное утвержденіе „двухъ“ всюду ярко обнаруживаетъ заднюю цѣль: поколебать столь естественную въ простомъ житейскомъ человѣкѣ вѣру въ дѣйствительность видимаго міра, въ его реальность. Натуръ двѣ; но видимая натура, которую человѣкъ привыкъ считать за единственно существующую, есть лишь отраженіе, тѣнь невидимой природы. Множество разсужденій, доказательствъ, художественныхъ образовъ употребляетъ Сковорода для того, чтобъ основательнѣе утвердить въ умахъ своихъ учениковъ это положеніе. „Вижу въ семь цѣломъ мірѣ два міра,—говоритъ онъ, единъ составляющіе міръ: видный и невид-

ный, живой и мертвый, цѣлый и сокрушаемый; сей риза, а тотъ тѣло, сей тѣнь, а тотъ древо, сей вещество, а тотъ ипостась, сирѣчь основаніе, содержащее вещественную грязь—такъ, какъ рисунокъ держитъ свою краску. Итакъ, міръ въ міръ есть та вѣчность въ тлѣннѣи, жизнь въ смерти, возстаніе во снѣ, свѣтъ во тьмѣ, во лжи истина. Вся исполняющее начало и міръ сей, находясь тѣнью его, границъ не имѣеть. Онъ всегда и вездѣ при своемъ началѣ, какъ тѣнь при яблони. Въ томъ только рознь, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умалется, то переходитъ, то родится, то исчезаетъ, и есть ничто“. Вообще, яблоня и ея тѣнь—любимѣйшее сравненіе, къ которому охотнѣе всего прибѣгала Сковорода, когда рѣчь заходила о выясненіи отношеній міровой субстанции къ міру явленій. Но у Сковороды въ его богатомъ образами языкѣ всегда находились все новыя и новыя метафоры, сравненія, эпитеты, которыми онъ оттѣнялъ свое презрительное отношеніе къ этому жалкому и ничтожному миру вещей, заслоняющему въ глазахъ непросвѣщеннаго философски человѣка, не умѣющаго проникать умственнымъ взоромъ за поверхность,—ихъ истинную сущность, „исту“. Тѣнь, тлѣнь, пустошь, плоть, пепель, песокъ, пелынь, желчь, грязь, лесь, мечта, смерть, тьма, злость, адъ, подлая обветшающая стихійная риза, обезьяна, подражающая во всемъ своей госпожѣ, господственной натурѣ—вотъ тѣ образныя выраженія, которыя находилъ умѣстными въ данномъ случаѣ Сковорода, то употребляя ихъ какъ эпитеты, то развивая въ аллегоріи, къ которымъ онъ вообще любилъ прибѣгать для уясненія своихъ мыслей.

Но Сковорода былъ слишкомъ индивидуалистъ для того, чтобъ успокоиться на такомъ чисто-пантеистическомъ пониманіи міра: не носилъ ли онъ въ этой складкѣ своей духовной физиономіи отраженія національныхъ особенностей своего племени? Его вниманіе, какъ мыслителя, всегда привлекалъ гораздо больше субъектъ, чѣмъ объектъ, „микроскъ“, чѣмъ „міръ обительный“ (его собственныя выраженія). „Познай себе“ въ концѣ концовъ облеклось для

него какимъ-то мистическимъ ореоломъ, пріобрѣло силу волшебнаго ключа ко всѣмъ тайнамъ всего сушаго. „Возлюби свою душу,—говоритъ онъ своимъ ученикамъ,—будь блаженный самолюбе“. Наркиссъ,—этимъ названіемъ обозначенъ первый его философскій діалогъ въ изданномъ нынѣ собраніи его сочиненій,—Наркиссъ, преобразованный Сковородой изъ античнаго мифа, „не о многомъ печется, не о пустомъ чемъ-либо, а о себе, про себе и въ себе; печется о единомъ себѣ; едино есть ему на потребу“... Конечно, Наркиссъ, въ концѣ концовъ, „истаявъ отъ самолюбнаго пламени“, преображается въ источникъ, что только и сообщаетъ ему, такъ сказать, его санкцію.

Но мнѣ представляется очень важнымъ и характернымъ для философской фізіономіи Сковороды именно этотъ эгоцентрической моментъ, который у него всегда и необходимо появляется на сцену, то вниманіе, которое на немъ задерживаетъ философъ.

Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Сковороды, человекъ не имѣетъ возможности познать міровую субстанцію иначе, какъ путемъ познанія ея въ себѣ. Всѣ другіе пути ему отрѣзаны. Органъ познанія—мысль, отождествляемая Сковородой съ душой и сердцемъ человекъ, которая есть „тайная въ нашей тѣлесной машинѣ пружина, глава и начало всего движенія ея, невещественная и безстихійная, носящая на себѣ грубую брэнность, какъ ризу мертвую, не прекращающая своего движенія ни на одно мгновеніе и продолжающая равномолнійное своего летанья стремленіе черезъ неограниченныя вѣчности, милліоны безконечныя“. Мысль эта, по представленію философа, сродная, если не тождественная съ міровой субстанціей, можетъ устремляться и на внѣшній міръ, ищетъ своего средства по мертвымъ стихіямъ, измѣряетъ, по его выраженію, море, воздухъ, землю, небеса, размежевываетъ планеты, находитъ закомплектныхъ міровъ несчетное множество, строитъ непонятныя машины, дѣлаетъ, что денно, новые опыты и изобрѣтенія. Но все это ее не удовлетворяетъ; все кажется ей, что недостаетъ